

Схватки возобновились. Вэй Чжао, с трудом приподняв тяжёлый живот, нахмурился и механически тужился:

— Ххх... ххх...

В этот раз головка ребёнка полностью показалась, и шаман в волнении закричал:

— Тужься! В последний раз! Быстрее! Тужься!

— Ааа...

В тот момент, когда плод полностью покинул тело, Вэй Чжао судорожно простонал и без чувств рухнул назад.

Шаман мягко поглаживал опавший живот Вэй Чжао, помогая выйти плаценте и прочему. Не успел он порадоваться тому, что отец и сын живы, как из тела Вэй Чжао хлынула кровь.

— Уаа... уааа...

Новорожденный младенец громко плачет, демонстрируя свою жизнеспособность и здоровье, совершенно не осознавая, что его родитель находится на грани смерти.

Хэлянь Чжо, который требовал спасти Вэй Чжао, пришёл в ярость: ребёнок был в порядке, а сам Вэй Чжао потерял много крови и не приходил в сознание. Он чуть было не приказал казнить кого-то.

Однако глядя на своего восьмифунтового сынишку, Хэлянь Чжо понял: шаман не виноват. Ребёнок был слишком велик, малейшая ошибка — и они оба погибли бы.

К счастью, после двух недель комы, благодаря усилиям шамана, Вэй Чжао очнулся. Лишь на ребёнка, уже названного Хэлянь Чжо Хэлянь Иинем, он смотрел так, словно его не существовало.

Хэлянь Чжо, зная, что Вэй Чжао не любит ребёнка, намеренно держал Хэлянь Иня при нём и даже привёл их обоих во дворец.

Когда Хэлянь Ииню исполнился месяц, Хэлянь Чжо специально написал письмо Вэй Су, сообщая «радостную новость» о рождении внука. Перед лицом разгневанного императора Великой Яни тот неудачливый гонец так и не вернулся в Фууй.

Вэй Чжао знал, что Хэлянь Чжо написал Вэй Су, и боялся представить, как теперь отец будет смотреть на него.

Возможно, он решит, что Вэй Чжао лучше было умереть, дабы не позорить Империю Великая Янь. Но он не хотел умирать. Он хотел жить: только живой мог отомстить врагам.

Всё это время главным врагом Вэй Чжао был не Хэлянь Чжо, а Ли Кан.

В конце концов, Хэлянь Чжо был его врагом изначально, и ждать милости от врага — наивно. Хотя методы Хэлянь Чжо были низкими и недостойными, с точки зрения их позиций Вэй Чжао не считал его действия неправильными.

На его месте, столкнувшись с принцем вражеского государства, уничтожившим множество его солдат, он тоже не проявил бы милосердия. Конечно, если бы их роли поменялись, он бы не

испытал к Хэлянь Чжо никакого интереса.

Ли Кан был другим. Он был главнокомандующим армии Великой Яни, назначенным лично Вэй Су, и по приказу императора возглавил поход на Фуюй. Однако ради личной выгоды он пренебрёг безопасностью армии и сделал всё, чтобы погубить Вэй Чжао.

Даже сейчас, вспоминая ту битву четырёхлетней давности, Вэй Чжао содрогался. Он не боялся смерти. Он боялся, что Ли Кан своей глупостью разрушит всё, что два поколения Великой Яни с таким трудом создавали на северо-востоке.

Тогда Вэй Чжао и его три тысячи отборных всадников оказались в окружении врага, а обещанные подкрепления Ли Кана так и не появились.

Вэй Чжао понял, что ситуация критическая, и попытался прорваться, но было поздно. Тоба Найган и Дугу Энь уже замкнули кольцо, а под их командованием была самая элитная армия Фуюй — Армия Золотого Волка, славившаяся тем, что «один воин стоит десяти и никогда не знает поражений».

Пытаясь прорваться, Вэй Чжао продолжал беспокоиться о Ли Кане: как Хэжун Лин смог задержать его пятьдесят тысяч солдат? Чем больше он думал, тем больше понимал, что здесь что-то не так.

После суток кровопролитных боёв ни один из трёх тысяч воинов Великой Яни не выжил, но они унесли с собой жизни как минимум втрое большего числа воинов Армии Золотого Волка.

Если бы не приказ Хэлянь Чжо взять Вэй Чжао живым, у него не было бы шансов выжить.

В плену Вэй Чжао подтвердил свои страшные догадки: Ли Кан не смог прорвать оборону Хэжун Лина не потому, что не мог, а потому что не хотел.

Как солдат, вступая на поле боя, он должен был быть готов «вернуться, завёрнутым в шкуру коня», но смерть от руки врага и смерть от рук своих — это совершенно разные вещи.

Чтобы погубить Вэй Чжао, Ли Кан не пожалел трёх тысяч лучших всадников, и для Вэй Чжао это было невыносимо.

Ещё абсурднее было то, что, добившись цели и устранив Вэй Чжао, Ли Кан выступил под знаменем мести за князя Циня. Армия Золотого Волка была разбита Вэй Чжао, и пятидесятитысячное войско Ли Кана не встретило сопротивления, без труда вернув Ючжоу.

Однако из ста тысяч солдат, вышедших в поход, вернулось менее двадцати процентов. Сказать, что это была «пиррова победа» — не сказать ничего.

Вэй Чжао хотел отомстить Ли Кану не только за себя, но и за невинных воинов. Он желал не просто его смерти, но и сорвать с него маску героя, которой тот не заслуживал.

Но Ли Кан умер — не в позоре, заслуженно наказанным, а героем, павшим за отечество, с бесконечными почестями. Как Вэй Чжао мог с этим смириться?

Заметив долгое молчание Вэй Чжао, Хэлянь Чжо взял его за плечи и развернул к себе:

— А Чжао, почему ты молчишь? Ты что, от счастья онемел?

Услышав, что Хэлянь Чжо обращается к нему, Вэй Чжао очнулся и, глядя на его якобы

серьёзное выражение лица, вдруг рассмеялся. Смех его был дерзким и горьким.

Хэлянь Чжо от его смеха почувствовал неприятный холодок и нахмурился:

— А Чжао, что с тобой? С Вэй Чжао что-то не так. В его смехе не было радости.

Вэй Чжао резко прекратил смеяться, его узкие глаза сверкнули холодом:

— Я счастлив, разве не видно? Или ты хочешь, чтобы я от счастья заплакал?

Хэлянь Чжо приподнял бровь и многозначительно улыбнулся:

— А Чжао, я разве не говорил тебе? Ты на кровати плачешь красивее всего, даже чем когда улыбаешься...

В постели Хэлянь Чжо всегда был жестоким и беспринципным. Он изобретал множество способов, не останавливаясь, пока не доводил Вэй Чжао до полного распада.

Лицо Вэй Чжао резко изменилось. Он изо всех сил попытался вырваться из рук Хэлянь Чжо, но не смог, и тот лишь сжал его крепче, почти прижавшись вплотную.

Хэлянь Чжо наклонился и прошептал ему на ухо:

— А Чжао, раз уж я принёс тебе такую хорошую новость, не думаешь ли ты, что должен меня отблагодарить?

— Хэлянь Чжо, ты действительно глуп или притворяешься? С чего ты взял, что я буду тебе благодарен? За то, что ты убил Ли Кана? — Вэй Чжао рассмеялся от злости, на глазах выступили слёзы.

Редкая живость мимики Вэй Чжао очень развеселила Хэлянь Чжо. На его упрёки он не рассердился, а наоборот, странно воспрянул духом:

— А Чжао, ты становишься всё милее, ха-ха...

Осознав, что потерял контроль, Вэй Чжао замолчал, косо посмотрел на Хэлянь Чжо и медленно вернул лицу спокойное выражение. Только на мгновение он почувствовал страшную пустоту внутри, едва найдя силы продолжать жить.

Хэлянь Чжо не обратил внимания на перемену в настроении Вэй Чжао. Он прижал его к кану и продолжил разговор:

— Кстати, о благодарности. Что ты можешь мне дать?

Смерть Ли Кана не могла радовать Вэй Чжао, и Хэлянь Чжо знал это. Но сам он был действительно счастлив.

Когда Ли Кан захватил Ючжоу, Фуюй понёс тяжёлые потери, и Хэлянь Чжо был опозорен. Теперь, хотя Ючжоу и не был полностью возвращён, смерть Ли Кана от руки Хэжун Лина позволила Хэлянь Чжо выплеснуть злость.

Ючжоу был исконной землёй дунху, где проживали различные племена, включая Фуюй. Во времена императора Шэнью из династии Шэньчуань он впервые и пока единственный раз был включён в состав центральной империи. Это произошло чуть более ста лет назад.

Именно тогда племена дунху, из поколения в поколение жившие охотой и рыбной ловлей, научились пахать землю, постепенно переходя к оседлости, и плодородная равнина Сунхэ была эффективно освоена.

После Шэньу его потомки оказались недостойными, и империя пришла в упадок. Собственные земли были расчленены, не говоря уже о недавно освоенном Ючжоу, который был оставлен на произвол судьбы.

В четвёртый год правления Тянь Ю Мин-ван Чжу Чэнь заставил императора Шэньчуаня Юя отречься от престола, и империя Шэньчуань пала.

С тех пор Центральные равнины погрузились в столетнюю войну. Правители сражались друг с другом, но никто не смог положить конец хаосу и объединить Поднебесную.

В конце концов, кочевники чжэньгао с севера воспользовались моментом и захватили красивые Срединные земли.

Чжэньгао были типичными кочевниками. Завоевав земли ханьцев, они не собирались ассимилироваться, но, наоборот, превращали пашни в пастбища, не говоря уже о Ючжоу, где и так находилась Великая степь Усу.

<http://bllate.org/book/16486/1497981>